

И. А. Туева
(Москва)

ИЗ ИСТОРИИ МОДАЛЬНЫХ СЛОВ

В обширной литературе о модальных словах почти полностью отсутствует освещение истории вопроса.

А между тем история модальных слов представляет немалый интерес при исследовании таких важных в языкознании проблем, как проблема изменения значений слов, проблема абстрагирования конкретных значений, проблема взаимоотношения предложения и словосочетания.

Помимо чисто теоретического интереса, история модальных слов может оказаться полезной и для учителя¹.

Круг модальных слов, широко употребляющихся в современном русском языке, сложился сравни-

тельно недавно. Интенсивное развитие этих слов началось в основном в XIX в. В русском языке старшего периода также существовали слова и выражения с модальным значением. Однако круг этих слов существенно отличается от тех, которые используются в современном русском языке. Так, для выражения модального значения уверенности употреблялись слова *воистину, поистине, вправду, прямо, впрямь, допряма, ей-ей* и др., а для выражения сомнения в истинности сказанного — *мню, чаю, мнится, мнитися, памятамися, негли* и др.

К концу XVIII в. большинство из этих слов выходит из употребления. На смену им приходят новые слова. Такие слова, как *подлинно, конечно, по-видимому, верно, вероятно* и др., утвердились в модальном значении не сразу. Они пережили

¹ См.: Л. А. Чешко, Изучение слов, грамматически не связанных с предложением, Учпедгиз, 1960.

длительный процесс переосмысления их конкретного значения. Например, слово *конечно* еще в XVII и XVIII вв. обнаруживает двойственный характер употребления. Оно часто использовалось как обстоятельственный член со значением «окончательно»:

Именным указом, от 22 января 1716 года, повелено дело *конечно* вершить... («Записка Л. Магницкого по делу Тверитинова», Спб., 1881, стр. 265).

Гришка Отрепьев ... от православные истинные христиансте веры отвержеся *конечно* («Сказание о Гришке Отрепьеве», Русская Историческая Библиотека, Спб., 1891, т. 13, стр. 720).

Одновременно *конечно* используется и с модальным значением:

Конечно, судья сей суд так производил, знатно он что ни есть ему посулил («Повесть о Шемякином суде», «Русская демократическая сатира XVII века», изд. АН СССР, М.—Л., 1954, стр. 28).

В прошлых летах сказывают, что были таковыя, а *конечно*, то вести не прямыя («Сказание о куре и лисице», там же, стр. 96).

В конечном итоге побеждает модальное значение слова *конечно*. Оно перестает использоваться в функции обстоятельного члена со значением «окончательно» и выпадает из системы наречий.

Слово *подлинно*, этимологически связанное со словом *подлинник*, первоначально имело значение «подробно», «дословно» и употреблялось исключительно при глаголе *писать* или производных от него. *Подлинник*, как показало исследование ранних памятников русской письменности, обозначало дословную запись какой-либо речи или точный список с какого-либо образца. Например:

И Геннадий архиепископ, с тех списков ваших речей переписав *подлинники*, да прислал сюде к господину и сыну моему великому князю Ивану Васильевичу всея Руси («Соборный приговор 1490 г.», в кн.: Н. А. Казаков и Я. С. Лурье, Антифеодальные еретические движения на Руси, изд. АН СССР, М.—Л., 1955, стр. 383).

Основным содержанием значения слова *подлинник* было указание не столько на первоначальность записи, сколько на исчерпывающую полноту и точность воспроизведения речи или какого-либо списка.

В делопроизводстве на Руси существовало правило: «записывать речи *подлинно*», т. е. подробно и точно.

Постепенно слово *подлинно* начинает примыкать к глаголам *пытать* (*спрашивать*), *сказать*, *ведать*, *знать* и др. Например:

А которого дни пир, того вечера, или по рано, самому государю пересмотрити: все ли по здорову; и сметити, и перепытати у ключника *подлинно*: колко чего съедено («Домострой», изд. Кожанчикова, Спб., 1867, стр. 131).

Ты гораздо знаешь про то царство московское, скажи ми *подлинно* (И. С. Пересветов, Челобитная, М., 1908, стр. 63).

Слово *подлинно* приобретает более абстрактное значение — «точно», «действительно так» — и начинает употребляться в сочетании с глаголом *быть* или в безглагольных предложениях:

Магницкий сказал: так, государь, *подлинно* они еретики («Записка Л. Магницкого...», стр. 46).

И они Магницкий с товарищи познали, что то уже у Немедиинского *подлинно* было (там же, стр. 26).

Они стали сказывать истинно, как было *подлинно* («Сказание о царстве Федора Ивановича», Спб., 1891).

В таком контексте слово *подлинно* имеет уже значение, близкое к модальному, — подтверждает реальность сообщаемого факта.

Первоначальное значение слова *подлинно* окончательно стирается. Оторвавшись от глагола, это слово, как и слово *конечно*, утверждается в новой функции, свободно перемещается в системе предложения и выражает исключительно модальную оценку высказывания.

Развитие модального значения слов шло через переосмысление и абстрагирование конкретного лексического значения, с которым они употреблялись первоначально. Этот процесс общий для всех модальных слов, независимо от того, с какими частями речи они соотносятся по образованию и на базе какой синтаксической функции они формировались.

Возьмем слово *по-видимому*. В современном русском языке оно употребляется исключительно в вводной функции с модальным зна-

чением. Но в XVIII и даже еще в XIX в. это слово не имело никакого модального оттенка. Оно было синонимично по значению таким выражениям, как *с виду, на первый взгляд*, и противопоставлялось значению выражений *по сути, на самом деле*.

Производное от глагола *видеть*, *по-видимому* имело лексический оттенок, подчеркивающий зрительность восприятия какого-либо признака или явления.

Даже в произведениях М. Ю. Лермонтова, А. С. Пушкина, В. Г. Белинского, не говоря уже о М. В. Ломоносове, *по-видимому* употреблялось именно в таком значении.

Эта фраза, *по-видимому* похожая на похвалу, показалась насмешкой ... (М. Ю. Лермонтов).

... наша литература имеет несколько талантливых баснописцев, а в Крылове истинно-гениального творца народных басен, в которых выразилась вся полнота практического ума, мышленности, *по-видимому* простодушной, но язвительной насмешки русского народа (В. Г. Белинский).

В последнем примере лексическое значение слова *по-видимому* выступает особенно отчетливо, так как далее идет противопоставление (*по-видимому* равно значению *на вид*).

Однако в лексическом значении слова *по-видимому* заложена возможность его контекстуального переосмысления и развития модального значения неуверенности. Как показало наблюдение, *по-видимому* обычно относилось к прилагательному, характеризуя признак, реже — к глаголу, и сохраняло грамматическую связь с прилагательным или другим словом в предложении.

Оно не обособлялось, не выступало в вводной функции. Развитие модального значения в слове сопровождалось изменением его функции в предложении.

Переставая употребляться в собственно лексическом значении, слово *по-видимому*, как и другие слова этой категории, становится относительно независимым в предложении. Создаются условия для его полной синтаксической изоляции в предложении, для обособления.

Что касается слова *бесспорно*, употребляющегося в современном литературном языке исключительно в модальном значении, то в XVIII в. оно еще функционировало как обстоятельственный член, примыкающий к глаголу, и сохраняло свое лексическое значение (*без спора*):

Медведь ... сказал: «Любезная лиса, и ты, дружок мой, хотя я вас моложе и нету у меня волос седых на коже, подите от меня бесспорно вы домой... (В. М а й к о в).

Модальное значение этого слова, как и разобранного выше, развивалось на базе его собственно лексического значения, в котором оно употреблялось ранее.

Этот процесс связан с изменениями в словосочетании, с отрывом таких слов, как *конечно, подлинно, по-видимому* и др., от глагола, к которому они примыкали, причем отрыв от глагола является как бы завершающим этапом в их формировании, которое шло через постепенное расширение сочетаемости этих слов к полному отрыву от глагола-сказуемого (реже другого члена) и изменению функции в предложении.

Приобретая модальное значение, эти слова получают относительную свободу в передвижении; создаются условия для их синтаксической изоляции и интонационного обособления. Так изменения в структуре словосочетания привели к сдвигам в целом предложении.

Здесь уместно вспомнить высказывание проф. В. Н. Ярцевой:

«Взаимоотношения предложения и словосочетания в их исторической специфике существенны потому, что если словосочетание выделяется на базе предложения, то тем не менее оно является той минимальной средой, где возникают изменения, затрагивающие в дальнейшем само предложение»².

Аналогичный путь развития прошли и такие слова, как *очевидно, вероятно, возможно, видно, видимо* и др., хотя их модальное значение формировалось на базе использова-

² В. Н. Ярцева, Исторический синтаксис английского языка, изд. АН СССР, М.—Л., 1961, стр. 5.

ния в функции предикативного члена односоставного главного предложения, к которому высказывание присоединялось с помощью союза *что*.

Общность исторического развития этой сравнительно новой категории слов в русском языке, а также общность их целевого назначения в процессе коммуникации резко выделяет эту группу из системы тех частей речи, на базе которых она возникла.

Такие слова, как *конечно, по-видимому, подлинно*, окончательно выпали из системы наречий. И по функции и по своему значению эти слова уже никак не могут рассматриваться как наречия, хотя в прошлом это были наречные формы.

Такие же слова, как *кажется, может быть, может*, используясь в вводной функции с модальным значением, утрачивают роль глагола и не имеют форм изменения, свойственных глаголу.